

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-6-18>

Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 01.06.2022
Принята к публикации: 10.08.2022

Алла Юрьевна ЯСТРЕБОВА

Дипломатическая академия МИД России

Остоженка ул., д. 53 / 2, стр. 1, Москва, 119021, Российская Федерация

allayastrebova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3324-9956

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К СИСТЕМЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА: СОДЕРЖАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

ВВЕДЕНИЕ. Перечень и содержание отраслевых (специальных) принципов международного гуманитарного права представляют значительный научный интерес. Наряду с традиционными правовыми подходами, сегодня выдвигаются дополнительные теоретические аргументы для включения в систему принципов МГП защиты окружающей среды и ответственности должностных лиц и военнослужащих за военные преступления. Кроме того, уточняется список запретов МГП для воюющих сторон в качестве общих международно-правовых правил при ведении вооруженных конфликтов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Данное исследование базируется на научных трудах российских и зарубежных правоведов в сфере международного гуманитарного права и юридическом анализе универсальных международно-правовых актов. Методологические основы представлены как общенаучными методами познания (анализ и синтез, индукция и дедукция, моделирование и систематизация), так и специально-правовыми методами (сравнительно-правовой и формально-юридический методы).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Проведенная систематизация принципов международного гуманитарного права выявила сочетание

дифференцированных правовых концепций, каждая из которых обладает определенной научной ценностью. Представляется значимым обобщение международно-правовых источников и тенденций, складывающихся в системе ООН по поводу возможного расширения перечня указанных принципов.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. В рамках данной публикации автор предлагает объективные оценки сложившихся научных подходов к понятию и содержанию отраслевых (специальных) принципов международного гуманитарного права. Отдельно рассматриваются формы международно-правового сотрудничества государств по созданию института ответственности за военные преступления и итоги Нюрнбергского военного трибунала в контексте предупреждения нарушений МГП. Комплементарные правовые основы функционирования современных международных судов обусловлены сочетанием национальной и межгосударственной юрисдикции в указанной сфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: принципы международного гуманитарного права, предупреждение нарушений международного гуманитарного права, запреты международного гуманитарного права для воюющих сторон, кодификация

международного права, назначение и юрисдикция международных военных трибуналов

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ястребова А.Ю. 2022. Отдельные подходы к системе специальных принципов международного гуманитарного

права: содержание и эволюция. – *Московский журнал международного права*. № 3. С. 6–18. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-6-18>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ISSUES OF THEORY OF INTERNATIONAL LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-6-18>

Alla Yu. YASTREBOVA

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
53/2-1, ul. Ostozhenka, Moscow, Russian Federation, 119021
allayastrebova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3324-9956

Research article
Received 1 June 2022
Approved 10 August 2022

PARTICULAR APPROACHES TO THE SYSTEM OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW SPECIAL PRINCIPLES: SUBSTANCE AND EVOLUTION

INTRODUCTION. *The list and the contents of branch (special) principles of IHL are considered to be a current subject of study. Along with the traditional legal approaches, the study forward additional theoretical arguments to include the environmental protection and the responsibility of officials and militaries for war crimes in the system of IHL principles. Besides that, it is obvious that the record of IHL prohibitions to belligerents as general international legal rules to conduct hostilities, is refined.*

MATERIALS AND METHODS. *The above study is based both on scientific researches of Russian and foreign authors in the field of IHL and analysis of international legal acts on universal level. Methodological basis of research includes general scientific methods (analysis and synthesis, induction and deduction, modeling and systematization) and*

special legal methods (legal comparativistics, formal legal).

RESEARCH RESULTS. *Completed systematization of IHL principles shows combination of different legal concepts, either of which has a certain scientific value. It looks important to summarize the international legal sources and trends taking place in UN system in order to expand the list of the mentioned principles.*

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *In frames of this study the author is proposing the impartial assessments of established scientific approaches to definition and contents of IHL branch (special) principles. Both the forms of international legal cooperation of states to create an institution of responsibility for war crimes and the results of Nuremberg military tribunal regarding prevention of IHL violations are examined separately. The complimentary legal grounds of modern*

international courts functioning are determined by combination of national and interstate jurisdiction in the above field.

KEYWORDS: *international humanitarian law principles, prevention of international humanitarian law violations, international humanitarian law prohibitions to belligerents, codification of international law, purpose and jurisdiction of international military tribunals*

FOR CITATION: Yastrebova A.Y. Particular Approaches to the System of International Humanitarian Law Special Principles: Substance and Evolution. – *Moscow Journal of International Law*. 2022. No. 3. P. 6–18. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2022-3-6-18>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Введение.

Как известно, принципы отдельных отраслей международного права представляют собой обобщенные правовые начала, определяющие специфику взаимодействия государств в той или иной сфере. Л.П. Ануфриева справедливо замечает, что «наряду с задачами и функциями только принципы (т. е. юридические нормы, обладающие иерархически более высоким положением, чем обычные правила поведения и выраженные вовне как таковые), в состоянии дать ответ на вопрос о выделении отрасли (подотрасли) в международном праве» [Ануфриева 2020:34]. Зачастую само понятие международного гуманитарного права (МГП) ассоциируется с правом, применяемым в период вооруженных конфликтов. Это вполне объяснимо, поскольку современное МГП основано, в том числе, на кодификации законов и обычаев ведения войны. Классики международного публичного права (Г. Гроций, Ф.Ф. Мартенс) справедливо обосновали существование во время межгосударственных войн особого рода отношений и норм общения воюющих сторон, устанавливающих специфику международно-правовых обязательств, отличную от принципов сотрудничества в мирное время [Гроций 1956; Мартенс 2008:186–251]. Указанный комплекс международно-правовых норм, регламентирующий правила поведения воюющих сторон, именуется Гаагским правом. Одновременно МГП включает в себя совокупность норм, обеспечивающих защиту жертв вооруженных конфликтов, которая получила название Женевского права.

В целом под современным МГП можно понимать систему международно-правовых принци-

пов и норм обычного и договорного происхождения, имеющих целью регулирование отношений между сторонами вооруженных конфликтов по поводу средств и методов их ведения и защиты жертв войны, а также основ деятельности держав-покровительниц и международных организаций в указанных условиях. А.С. Безнасюк указывает также, что «международное гуманитарное право регулирует статус отдельных категорий лиц, так или иначе вовлеченных в вооруженный конфликт» [Безнасюк 2009:44]. Правовой статус комбатантов и жертв войны также составляет существенную часть современного МГП.

Стоит заметить, что такое *jus in bello* (право, применяемое в войне), которое традиционно было основано на возможности произвольного использования государствами вооруженной силы в качестве средства разрешения политических, территориальных и экономических споров, сегодня не существует. Оно может отождествляться только с нормами Гаагского права, кодифицировавшего обычные правила поведения воюющих сторон при вооруженных конфликтах. Устав ООН 1945 г.¹ обозначает в качестве одного из основополагающих принципов сотрудничества государств мирное разрешение международных споров (ч. 3 ст. 2; ст. 33). Состояние вооруженного конфликта, тем не менее, требует применения в полном объеме действующих принципов и норм МГП.

2. Дифференцированные правовые подходы к принципам МГП: современное понимание.

К отраслевым принципам МГП могут быть отнесены: гуманизация условий вооруженных

¹ Устав ООН от 26 июня 1945 г. Доступ: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 15.05.2022).

конфликтов; ограничение методов их ведения и выбора средств воюющими сторонами; охрана окружающей среды; обеспечение защиты жертв войны, гражданских объектов и культурных ценностей, статуса нейтральных государств; ответственность должностных лиц и военнослужащих за нарушение норм Гаагского и Женевского права. Научная дискуссия об отраслевых принципах МГП продолжается; при этом в ней можно наблюдать сочетание различных правовых подходов, в том числе по вопросам обобщения указанных принципов, их включения в число императивных норм международного права, уточнения базовых норм в сфере МГП и соотношения запретов и принципов в этой области. На некоторых аспектах этой дискуссии мы остановимся в настоящем исследовании.

В своей деятельности по современной кодификации императивных норм (*jus cogens*) международного права Комиссия международного права (КМП) ООН на 71-й сессии в 2019 г. дебатировала расширение их списка, в том числе посредством приобщения к нему основных норм международного гуманитарного права. Рассмотрев предложенную повестку, КМП пришла к выводу, что «существуют очевидные проблемы, касающиеся неопределенности в отношении *jus cogens* и основных норм международного гуманитарного права, особенно в отношении того, какие нормы международного гуманитарного права квалифицируются как «наиболее базовые» и в силу этого отвечают критериям *jus cogens*»². Продолжением дискуссии КМП на 73-й сессии в 2022 г. стало включение основных норм МГП в «неисчерпывающий перечень норм», которые считаются императивными³. В докладе КМП говорится, что дефиниции «правила», «нормы» и «принципы» могут быть использованы в качестве синонимов (комментарий 8 к выводу 1 «Сфера охвата»). Здесь речь идет об определенной группе норм МГП, выступающих основой для понимания его общего содержания. Представляется, что речь идет именно о специальных принципах МГП. В частности, при обсуждении

были отмечены основные нормы, связанные с защитой гражданских лиц в условиях вооруженных конфликтов.

Э. Давид полагает, что дополнительная обязанность государств «заставлять соблюдать» Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г. «также является аргументом в пользу такого толкования: речь идет о настолько важных текстах, что государства должны не только их применять, но и следить за тем, чтобы в случае вооруженного конфликта они применялись всеми остальными государствами» [Давид 2011:104]. Со своей стороны, И.А. Ледях считает обязательство соблюдения норм МГП в защиту жертв войны его базовым принципом, который имеет императивную юридическую природу, присущую *jus cogens*, и направлен на защиту человеческих ценностей при вооруженном конфликте [Ледях 2017:141]. Зарубежные ученые-международники определяют цель МГП как «обеспечение уважения к наиболее базовым для людей ценностям, таким как достоинство, сообщество и свобода от страданий», представляющим позицию человеческого общества в условиях военных действий [Crowe, Weston-Scheuber 2013:3]. На наш взгляд, дифференциация базовых и вторичных принципов МГП имела бы смысл при существовании правовых источников, имеющих особую юридическую природу. Обособление наиболее значимых, по мнению указанного автора, принципов среди остальных может поставить вопрос о том, почему отдельные международно-правовые нормы, формирующие Женевское право, должны занимать приоритетное место в МГП. С другой стороны, рассмотрение специальных принципов МГП в качестве *jus cogens* может стать сильным аргументом для усиления обязанностей воюющих сторон предупреждать и пресекать его нарушения.

Показательным моментом МГП остается возможность использования такого источника, как международный обычай, что относится прежде всего к принципу обеспечения защиты жертв войны. Так, ч. 2 ст. 1 Дополнительного протокола I

² Комиссия международного права ООН: Четвертый доклад об императивных нормах общего международного права (*jus cogens*), подготовленный Специальным докладчиком Дире Тлади. 31.01.2019. Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/024/35/PDF/N1902435.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.05.2022).

³ Комиссия международного права ООН: Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*): тексты проектов выводов и приложения, принятые Редакционным комитетом во втором чтении. 11.05.2022. Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/LTD/G22/339/02/PDF/G2233902.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.05.2022).

1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г.⁴ устанавливает, что в случаях, не предусмотренных Протоколом или другими международными договорами, гражданские лица и комбатанты остаются под защитой принципов международного права, которые проистекают из установившихся обычаев, принципов гуманности и требований общественного сознания. Согласно Приложению к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 60 / 147 от 16 декабря 2005 г.⁵, само обязательство уважать и обеспечивать уважение норм МГП вытекает как из международных договоров, участником которых является государство, так и из обычного международного права и национального законодательства (ст. 1). Нужно отметить, что вышеуказанная формулировка Дополнительного протокола I полностью имплементирована в ст. 5 Наставления по международному гуманитарному праву для Вооруженных сил Российской Федерации, утвержденного Министром обороны 8 августа 2001 г.⁶

В повестку дня 71-й сессии КМП также вошел отдельным пунктом доклад о защите окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами, включивший проекты принципов такой защиты⁷. Сводный проект принципов (Приложение I) предлагает в качестве цели улучшение защиты окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами, в том числе с помощью превентивных мер для минимизации ущерба окружающей среде и восстановительных мероприятий. Также государствам рекомендуется на основании соглашений или иным образом «специально обозначать в качестве охраняемых зон районы, имеющие важное экологическое и культурное значение».

Можно заметить, что принципы МГП находятся под воздействием эволюции достаточно перспективных отраслей международного пу-

бличного права. К ним принадлежит международное экологическое право, и в данном контексте правоведы рассматривают природную среду в мирное и военное время как объект защиты, предусмотренный его нормами одновременно с действующими стандартами прав человека. Ими частично показано взаимодействие между содержанием МГП, международных договоров в сфере экологии и правом индивида на здоровую окружающую среду, определяемым в соответствии со ст. 25 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. [Vincze 2017:38].

Представляется, что подобно международно-правовой защите культурных ценностей в МГП, охрана окружающей среды базируется на таких нормативных инструментах, как:

1) принятие соответствующих универсальных международных договоров, таких как Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1976 г. и Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г., действующих в мирное и военное время;

2) гарантии воюющими сторонами двух уровней защиты: общего для гражданского объекта, нападение на который запрещено в соответствии со ст. 52, 54 и 57 Дополнительного протокола I 1977 г., и специального, предусмотренного ч. 3 ст. 35 и ст. 55 Протокола I.

А.В. Кукушкина высказывает мнение о том, что положения указанного Протокола «обеспечивают охрану окружающей среды как таковой, хотя и опосредованно: защищая людей, интересам которых в международном гуманитарном праве отводится главное место» [Кукушкина 2017:96]. Н.А. Соколова определяет, что «серьезный вред, нанесенный природе в ходе ряда вооруженных конфликтов, только усиливает не-

⁴ Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. Доступ: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf?ysclid=I7gc2eqvla418211921 (дата обращения: 15.05.2022).

⁵ ООН: Резолюция Генеральной Ассамблеи 60 / 147 и Приложение к ней от 16 декабря 2005 г. «Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права». Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles_right_to_remedy.shtml (дата обращения: 15.05.2022).

⁶ Наставление по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации, утвержденное Министром обороны 8 августа 2001 г. Доступ: <https://base.garant.ru/191609/?ysclid=I7n6zqlca0779597852> (дата обращения: 15.05.2022).

⁷ Комиссия международного права ООН: Второй доклад по вопросу о защите окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами, представленный Специальным докладчиком Марьей Лехто. 22.02.2019. Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/053/21/PDF/N1905321.pdf?OpenElement> (дата обращения: 15.05.2022).

защищенность лиц, пострадавших в результате боевых действий. Иными словами, гуманное обращение с жертвами вооруженных конфликтов, их уважение и защита требуют осторожного отношения к природной среде» [Соколова 2021:85-86].

Другая правовая позиция связана с более узким перечнем специальных принципов МГП, выражающим определенные обязательства воюющих сторон. Так, в итоговом документе Круглого стола «Международное гуманитарное право: современные проблемы и перспективы развития» (Международный форум «Развитие парламентаризма»), состоявшегося в 2018 г. в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации⁸, к ним относятся: принципы пропорциональности; проведения различий между гражданским населением и комбатантами, гражданскими и военными объектами; военной необходимости; запрет причинения излишних страданий. Н. Мельцер дополняет приведенный перечень принципами применения мер предосторожности и соразмерностью военного преимущества со случайным ущербом и опасностью для гражданского населения и гражданских объектов [Melzer 2016:17-18]. Мы считаем этот перечень значимым для формирования и правового закрепления определенной системы запретов для военнослужащих при вооруженном конфликте. Обучение таких лиц возлагается на военных командиров, которые выполняют обязанности по предупреждению и пресечению нарушений норм МГП (ст. 87 Дополнительного протокола I).

В.А. Батырь включает в систему отраслевых принципов МГП обязательство государств «уменьшить бедствия войны, насколько позволяют военные требования», согласно содержанию IV Гаагской конвенции 1907 г. Им также отмечен принцип недопустимости дискриминации, устанавливающий, что с лицами, пользующимися покровительством, следует обращаться (при любых обстоятельствах и вне зависимости от типа или происхождения вооруженного конфликта) без всякой дискриминации, независи-

мо от их расы, цвета кожи, религии, пола, имущественного положения. Этот автор предлагает разделить принципы МГП на такие группы, как системообразующие; регулирующие средства и методы вооруженной борьбы; защищающие комбатантов и гражданское население⁹. В свою очередь, В.А. Карташкин считает, что «принцип недискриминации, возникший как отраслевой принцип прав человека, распространяется в настоящее время на все отрасли международного права и должен соблюдаться всеми государствами мира. Данный принцип упоминается как обязательный и основополагающий в ряде международных договоров» [Карташкин 2018:111-118].

Действительно, отдельные положения Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г.¹⁰ содержат принцип недискриминации, который относится прежде всего к общей для них ст. 3, закрепляющей минимум норм гуманного обращения в отношении указанных лиц. Согласно ч. 1 ст. 3, единой для четырех Женевских конвенций, раненые, больные, военнопленные и гражданские лица должны «при всех обстоятельствах пользоваться гуманитарным обращением без всякой дискриминации по причинам расы, цвета кожи, религии или веры, пола, происхождения или имущественного положения или любых других аналогичных критериев».

С.К. Кхамари считает наиболее значимыми принципами МГП гуманность и военную необходимость. Он отмечает, что «МГП призвано просто ограничивать нанесение ущерба» и принцип гуманности в большей степени относится к защите жертв войны, так как последствия военных действий вполне оправданно могут предполагать разрушение, ущерб и другие жестокости¹¹. Ж. Пикте, оценивающий указанный принцип, считает, что гуманность представляет собой определенную философскую концепцию, предметом которой является человеческое существо. По его мнению, МГП происходит отчасти из норм естественного права, имеющего целью защиту основных прав и свобод человека [Pictet 1966: 461-462]. Представляется, что более точная формулировка этого принципа должна быть свя-

⁸ Круглый стол «Международное гуманитарное право: современные проблемы и перспективы развития». Международный форум «Развитие парламентаризма». 2018. С. 96. Доступ: <http://duma.gov.ru/media/files/LWaKTAsV-wooQ3hIWpKKnnAAgVtzGOD9l.pdf> (дата обращения: 15.05.2022).

⁹ Батырь В.А. *Международное гуманитарное право: учебник для вузов*. 2-е изд. М.: Юстицинформ. 2011. С. 56-63.

¹⁰ *Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним*. 5-е изд. М.: МККК. 2011.

¹¹ Khamari S.K. Fundamental principles of International Humanitarian Law. – *IPleaders: Intelligent Legal Solutions*. February 6, 2020. URL: <https://blog.ipleaders.in/international-humanitarian-law/> (accessed 15.05.2022).

зана с гуманизацией условий вооруженных конфликтов. Международное право прав человека, как известно, действует и в мирное, и в военное время, поэтому указанные права и свободы человека выступают здесь обязательствами воюющих сторон, не подлежащими отмене. Что касается содержания гуманизации, то мы считаем необходимым ограничивать воздействие последствий вооруженных конфликтов в отношении тех лиц и объектов, которые согласно своему правовому статусу исключаются из сферы военных действий и выступают наиболее уязвимыми в военных условиях.

А. Бувье предлагает в качестве «основных правил МГП», которые были выработаны на неформальной основе Международным Комитетом Красного Креста (МККК), следующее:

1) уважение права на жизнь, физическую и моральную неприкосновенность, достойное обращение для лиц, вышедших из строя и лиц, не принимающих прямого участия в военных действиях;

2) запрет убийства или причинения вреда лицам, сложившим оружие или вышедшим из строя;

3) оказание всех видов помощи раненым и больным и уважение защитных эмблем Красного Креста, Красного Полумесяца и Красного Кристалла;

4) уважение прав комбатантов и гражданского населения, находящихся во власти воюющих сторон, на жизнь, достоинство, персональные потребности и убеждения;

5) предоставление каждому индивиду права на основные юридические гарантии и достойное обращение;

6) запрет использования воюющими сторонами средств и методов ведения вооруженного конфликта, которые причиняют неоправданный ущерб или излишние страдания;

7) разграничение гражданского населения и гражданских объектов от комбатантов и военных объектов [Bouvier 2020:30-31].

Очевидна польза такого перечня для обучения военнослужащих. Стоит учесть замечание И.И. Котлярова и Ю.В. Пузыревой, что «критерием правомерной деятельности воюющих являются принципы и нормы международного и международного гуманитарного права» [Котляров, Пузырева 2012:23]. Тем не менее в случае нормативного закрепления основных правил может иметь место определенное смещение специальных принципов МГП и его отдельных

норм, входящих в Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним 1977 г. Безусловно, для предупреждения нарушений МГП точно сформулированные правила поведения комбатантов обладают большой значимостью. Остается открытым вопрос о формировании и распространении знаний в отношении прав и гарантий покровительствуемых лиц (*protected persons*). По нашему мнению, сущностные нормы Гаагского и Женевского права, изложенные А. Бувье, могут быть включены в различные национально-правовые акты государств-участников, что предполагает различные формы имплементации международных договоров во внутригосударственном законодательстве.

3. Международно-правовые итоги деятельности Нюрнбергского военного трибунала и их влияние на формирование принципа ответственности должностных лиц и военнослужащих за нарушения МГП.

И.А. Федулкина указывает на один из важнейших шагов мирового сообщества в МГП, который состоит в «появлении международного уголовного права и международных трибуналов, созданных для пресечения серьезных нарушений гуманитарного права в форме геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений» [Федулкина 2021:115]. Этот шаг тесно увязан с принципом ответственности должностных лиц государств и военнослужащих за нарушение норм Гаагского и Женевского права. А.Н. Вылегжанин, А.Ю. Скуратова и И.И. Синякин считают фундаментальные юридические итоги этого исторического периода, которые поддерживаются межгосударственным сообществом, частью международного правопорядка, [Вылегжанин, Скуратова, Синякин 2017:126]. М. Сассоли, оценивая МГП как «право, защищающее жертвы войны от государств и всех остальных участников военных действий» и предупреждающее такие нарушения, указывает, что во время вооруженного конфликта «лица из состава вооруженных сил всегда считаются при исполнении служебных обязанностей и никогда не действуют как исключительно частные лица» [Сассоли 2002:163,170]. Таким образом, воюющие стороны берут на себя ответственность за поведение лиц, входящих в состав их вооруженных сил (ст. 91 Дополнительного протокола I).

Сегодня, в условиях пренебрежения западными государствами основополагающими нор-

мами международного права, значение данного принципа усиливается. Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров, выступая на заседании Попечительского совета Фонда поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова 11 марта 2020 г., указал, что «цель фальсификаторов истории Второй мировой войны – исказить устройство послевоенной системы межгосударственных отношений». Он обратил внимание на возрождение в ряде европейских стран откровенно экстремистских и неонацистских настроений, стремление подвергнуть кардинальной ревизии общепризнанные международно-правовые результаты мирового конфликта, одновременно обелить и оправдать нацистов и их приспешников¹². Российские юристы-международники указывают, что юридические основы квалификации международных преступлений и результаты судебных процессов над главными немецкими военными преступниками зафиксированы соответствующими межгосударственными правовыми актами и не подлежат отмене [Вылегжанин, Игнатенко, Скуратова 2010:53].

Сущность и значение итогов деятельности Международного военного трибунала в Нюрнберге, состоявшегося в 1945-1946 гг., уже тщательно изучены исторической и политологической наукой. Международно-правовые итоги Нюрнбергского процесса определяются такими достижениями мирового сообщества, как:

1) *Формирование правовой основы института международной уголовной юстиции.* Опыт организации и проведения международного уголовного процесса над военными преступниками нацистской Германии был использован позже при создании Советом Безопасности ООН Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии (1992 г.) и Международного трибунала по Руанде (1994 г.); в деятельности гибридных (смешанных)

военных трибуналов, таких как Трибунал по Ливану (2007 г.) и Чрезвычайные судебные палаты в Камбодже (2006 г.).

2) *Определение состава международных преступлений против мира, человечности и военных преступлений и установление принципа неотвратимости уголовной ответственности должностных лиц государств за нарушение норм международного права.* В приговоре Нюрнбергского международного военного трибунала указано, что такие преступления совершаются людьми и что только путем наказания лиц, ответственных за эти преступления, могут быть соблюдены установления международного права¹³. Список международных преступлений не является закрытым; запреты подобных деяний также закреплены в содержании четырех Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. и двух Дополнительных протоколов к ним 1977 г., уставах вышеуказанных международных и гибридных трибуналов и Римском статуте Международного уголовного суда 1998 г. Особое место в международной уголовной юстиции отводится Конвенции ООН о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г.¹⁴, ст. I которой прямо отсылает к Уставу Нюрнбергского трибунала от 8 августа 1945 г. Критерий срока давности не применяется, даже если вышеперечисленные преступные деяния не представляют собой нарушения внутреннего законодательства того государства, где они были совершены.

3) *Становление института международной ответственности государств за нарушение международно-правовых норм, построенное на особых принципах сотрудничества, сформулированных мировым сообществом после Второй мировой войны.* Международно-правовые принципы, закрепленные в Уставе Нюрнбергского трибунала, и его решения признаны межгосударственным сообществом частью действующего международного права. Это подтверждено содержанием резолюции Генеральной Ассамблеи

¹² Лавров назвал цель фальсификаторов истории Второй мировой войны. – *Известия*. 11.03.2022. Доступ: <https://iz.ru/985579/2020-03-11/lavrov-nazval-tcel-falsifikatorov-istorii-vtoroi-mirovoi-voiny> (дата обращения: 15.05.2022).

¹³ *Сборник материалов Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками. В 2 т. Т.2.* Под ред. К.П. Горшенина, Р.А. Руденко, И.Т. Никитченко. М.: Юридическая литература. 1954. С. 992.

¹⁴ Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/warcrimes_limit.shtml (дата обращения: 15.05.2022).

ООН 95(I) от 11 декабря 1946 г.¹⁵, где Комитету по кодификации международного права было предложено рассматривать в качестве вопроса первостепенной важности «проекты, имеющие целью формулировку и внесение принципов, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала и нашедших выражение в его решении, в общую кодификацию преступлений против мира и безопасности человечества или в международный уголовный кодекс». Общепризнанный принцип сотрудничества государств, закрепленный в Уставе ООН 1945 г., имеет целью «избавить грядущие поколения от бедствий войны» (преамбула Устава) и действует совместно с другими принципами *jus cogens*.

Уже в положениях Гаагской конвенции IV о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г.¹⁶ государствами-участниками была установлена ответственность воюющих сторон за действия лиц, которые включены в состав их вооруженных сил (ст. 3). Содержание Версальского мирного договора 1919 г. позволяло победившим государствам осуществлять национальную юрисдикцию по отношению к лицам, которые обвинялись в нарушении законов и обычаев ведения войны.

Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства¹⁷, принятая на Московской конференции министров иностранных дел СССР, Великобритании и США в октябре 1943 г., определила возможность применения национальной юрисдикции государств в отношении военных преступников вне зависимости от того, были ли их действия исполнением преступных приказов или собственной инициативой. В Московской декларации установлено, что «германские офицеры, солдаты и члены нацистской партии, которые были ответственны за вышеупомянутые зверства, убийства и казни или добровольно принимали в них участие, будут отосланы в страны, в которых были совершены их

отвратительные действия, для того, чтобы они могли быть судимы и наказаны в соответствии с законами этих освобожденных стран и свободных правительств, которые будут там созданы». Что касалось главных военных преступников, деяния которых не связаны с определенным географическим местом, то они должны быть наказаны «совместным решением правительств-союзников».

Нормативные акты Московской конференции рассматриваются как составная часть единого комплекса международно-правовых норм Нюрнбергского судебного процесса. Лондонское Соглашение правительств СССР, США, Великобритании и Франции о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран от 8 августа 1945 г.¹⁸ содержало отсылку на вышеуказанные положения Московской декларации 1943 г. и учредило Международный военный трибунал с этой целью (ст. 1). Вместе с тем ничто в данном Соглашении не умаляло установленных Московской декларацией положений о возвращении военных преступников в страны, где ими были совершены преступления (ст. 4), так же, как компетенций и прав «национальных или оккупационных судов, которые уже созданы или будут созданы на любой союзной территории или в Германии для суда над военными преступниками» (ст. 6).

Устав Международного военного трибунала¹⁹, который составлял часть Лондонского соглашения, в разделе «Юрисдикция и общие принципы» определил классификацию и составы отдельных видов международных преступлений, таких как преступления против мира; военные преступления (нарушение законов или обычаев войны); преступления против человечности. Представляется нужным указать отдельные составы преступных деяний согласно приведенной классификации (ст. 6 Устава Трибунала):

¹⁵ ООН: Резолюция Генеральной Ассамблеи 95 (I) от 11 декабря 1946 г. «Подтверждение принципов международного права, признанных Уставом Нюрнбергского трибунала». Доступ: [https://undocs.org/ru/A/RES/95\(I\)](https://undocs.org/ru/A/RES/95(I)) (дата обращения: 15.05.2022).

¹⁶ Гаагская конвенция IV о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г. Доступ: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/hague-convention-iv-181007.htm> (дата обращения: 15.05.2022).

¹⁷ Сборник материалов Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками. В 2 т. Т.1. Под ред. К.П. Горшенина, Р.А. Руденко, И.Т. Никитченко. М.: Юридическая литература. 1954. С.7-8.

¹⁸ Там же. С. 13–14.

¹⁹ Там же. С. 15–21.

1) планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий;

2) убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень, разорение, не оправданное военной необходимостью;

3) убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

Значимым условием деятельности Трибунала также выступало его право признать ту или иную группу или организацию преступной. При этом компетентные национальные власти каждого государства-участника могли «привлекать к суду национальных, военных или оккупационных трибуналов за принадлежность к этой группе или организации» (ст.10). В приговоре Трибунала к таким преступным организациям была отнесена СС, использовавшаяся нацистской Германией для преследования и истребления лиц еврейского происхождения, зверств и убийств в концентрационных лагерях, эксцессов, совершавшихся при управлении оккупированными территориями, проведения программы использования рабского труда, жестокого обращения с военнопленными и их убийств²⁰. Помимо этого к преступным организациям Трибунал также отнес руководящий состав партии НСДАП, гестапо и СД. Трибунал был вправе рассматривать дела лиц, обвиняемых в преступлениях, предусмотренных ст. 6 Устава, в отсутствие обвиняемых,

если они не разысканы или если трибунал по любым основаниям признает необходимым в интересах правосудия слушать дело заочно (ст. 12 Устава). Как известно, 24 обвиняемых предстало перед Нюрнбергским трибуналом.

Помимо формирования принципа ответственности за нарушение норм МГП, значение Нюрнбергского процесса состоит также в возможности сочетания национальной юстиции и международной уголовной юрисдикции, изначально предусмотренном в его нормативно-правовой базе и выраженном сегодня в действии принципа комплементарности (дополнительности) деятельности межгосударственных судебных органов. Указанное сочетание имеет место в ч. 1 ст. 17 Римского статута Международного уголовного суда (МУС) 1998 г.²¹, где предусмотрено разграничение национальной и международной юрисдикции. По мнению зарубежных правоведов, эффективная имплементация норм МГП выступает «ключом к усилению защиты жертв вооруженных конфликтов», особенно с позиций «наличия значительного числа сущностных норм и их предназначения в данной ситуации» [Sarwar 2017:51].

К сожалению, несмотря на безусловно позитивную оценку кодификации Статутом вышеприведенных основ международной юрисдикции и на расширение им списка составов военных преступлений, МУС избрал политизированный подход к своим функциям. А.Ю. Скуратова справедливо указывает на такие недостатки в его деятельности, как сфокусированность внимания на африканских государствах, расхождение между достигнутыми результатами и значительным бюджетом на содержание, сомнительные правовые позиции в отношении ситуаций в Ливии, Судане, Грузии и на Украине [Скуратова 2016:129–133]. Л.А. Лазутин и М.А. Лихачев также отмечают в качестве недостатков «вовлечение в процедуру жертв преступлений в автономном процессуальном качестве», что приводит к неизбежным противоречиям их ожиданий с оперативностью судебной процедуры и сбалансированностью интересов сторон, и многочисленные разногласия в судебском корпусе по существу

²⁰ Сборник материалов Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками. В 2 т. Т.2. Под ред. К.П.Горшенина, Р.А.Руденко, И.Т.Никитченко. М.: Юридическая литература. 1954. С. 1036–1039.

²¹ Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. Доступ: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 15.05.2022).

рассматриваемых вопросов [Лазутин, Лихачев 2019:55]. Данные факторы повлияли на принятие Российской Федерацией решения не участвовать в Римском статуте МУС, выраженного Распоряжением Президента Российской Федерации № 361-рп в ноябре 2016 г.²². Помимо этого, в 2019 г. Российская Федерация отказалась от признания компетенции Международной комиссии по установлению фактов, создание которой определено ст. 90 Дополнительного Протокола I 1977 г.²³. Это связано с тем, что в составе комиссии, функции которой состоят в расследовании предполагаемых серьезных нарушений МГП в условиях международных вооруженных конфликтов, не присутствует российский представитель. Российская сторона фактически не могла принимать участие в ее деятельности. Представляется, что внимание должно уделяться осуществлению национальной юрисдикции государств, поскольку оно выступает в том числе и формой выполнения международно-правовых обязательств государств по МГП.

4. Заключение

Итак, к настоящему моменту список отраслевых (специальных) принципов международ-

ного гуманитарного права является предметом научной дискуссии, предполагает различные виды их классификации и может быть выражен как в узком, так и в расширенном формате. Рассмотрение в числе данных принципов защиты окружающей среды и ответственности должностных лиц и военнослужащих за нарушения норм МГП позволяет показать те международно-правовые тенденции, которые так или иначе связаны с обеспечением должного покровительства жертвам войны и с гуманизацией условий вооруженных конфликтов. Одновременно формирование перечня основных правил поведения представителей воюющих сторон и запретов МГП обуславливает разграничение между признанными правовыми началами и общими нормами в указанной сфере. Строгое соблюдение Женевского права предопределяется сочетанием национальной и международной юрисдикции в отношении нарушений МГП. Сама постановка Комиссией международного права ООН вопроса о придании базовым нормам гуманитарного права императивной силы говорит о значимости повышения уровня защиты человеческих ценностей в условиях вооруженных конфликтов.

Список литературы

1. Ануфриева Л.П. 2020. Некоторые соображения относительно отраслевых принципов в международном праве. — *Диалог*. № 2. С. 30–39.
2. Безнасюк А.С. 2009. К вопросу о статусе представителей органов военной юстиции, пребывающих в зоне вооруженного конфликта, в период осуществления Российской Федерацией миротворческой миссии. — *Российское правосудие*. № 6. С. 42–48.
3. Вылегжанин А.Н., Игнатенко Г.В., Скуратова А.Ю. 2010. Юридические итоги великой победы над фашистской Германией и современные попытки их искажения. — *Московский журнал международного права*. № 3. С. 49–75. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2010-3-49-75>
4. Вылегжанин А.Н., Скуратова А.Ю., Синякин И.И. 2017. Современное международно-правовое значение Нюрнбергского процесса (к 70-летию вынесения Приговора Нюрнбергского трибунала). — *Современное право*. № 1. С. 117–130.
5. Гроций Г. 1956. *О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права*. М.: Госюриздат. 868 с.
6. Давид Э. 2011. *Принципы права вооруженных конфликтов: курс лекций*. 2-е изд. М.: МККК. 1144 с.
7. Карташкин В.А. 2018. Отраслевые международные принципы прав человека. — *Современное право*. № 5. С. 111–118.
8. Котляров И.И., Пузырева Ю.В. 2012. Международное гуманитарное право и модельное законодательство СНГ. — *Московский журнал международного права*. № 3. С. 18–38. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2012-3-18-38>
9. Кукушкина А.В. 2017. Международное гуманитарное право и охрана окружающей среды в период вооруженных конфликтов (международно-правовые

²² Распоряжение Президента Российской Федерации № 361-рп от 16 ноября 2016 г. «О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда». — *Собрание законодательства Российской Федерации*. 21.11.2016. № 47. Ст. 6630.

²³ Федеральный закон от 12 ноября 2019 г. № 368-ФЗ «Об отзыве заявления, сделанного при ратификации Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I)». — *Собрание законодательства Российской Федерации*. 18.11.2019. № 46. Ст. 6414.

- аспекты). — *Международная аналитика*. № 2. С. 94–103. DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2017-0-2-94-103>
10. Лазутин Л.А., Лихачев М.А. 2019. Международный уголовный суд и Россия: быть или не быть вместе? — *Московский журнал международного права*. № 4. С. 46–60. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-4-46-60>
 11. Ледях И.А. 2017. Обязательство соблюдения норм международного гуманитарного права в защиту жертв войны. — *Труды Института государства и права РАН*. № 1. С. 141–158.
 12. Мартенс Ф.Ф. 2008. *Современное международное право цивилизованных народов: в 2 т. Т. 2*. М.: Зерцало. 252 с.
 13. Сассоли М. 2002. Ответственность государства за нарушения международного гуманитарного права. — *Международный журнал Красного Креста: сборник статей*. С. 163–203. Доступ: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/07_irrc_846_sassoli_rus.pdf (дата обращения: 15.05.2022)
 14. Скуратова А.Ю. 2016. Россия и Римский статут Международного уголовного суда. — *Московский журнал международного права*. № 4. С. 125–137. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2016-4-125-137>
 15. Соколова Н.А. 2021. Международная защита окружающей среды в период вооруженных конфликтов: традиции правового регулирования и новеллы толкования. — *Lex Russica*. Т. 74. № 12. С. 84–95. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.181.12.084-095>
 16. Федулкина И.А. 2021. Международное гуманитарное право и гуманитарная деятельность. — *Образование и право*. № 2. С. 114–119. DOI: [10.24412/2076-1503-2021-2-114-119](https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-2-114-119)
 17. Bouvier A. 2020. *International Humanitarian Law and the Law of Armed Conflict*. 3rd ed. Williamsburg: Peace Operations Training Institute. 42 p.
 18. Crowe J., Weston-Scheuber K. 2017. *Principles of International Humanitarian Law*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 198 p.
 19. Melzer N. 2016. *International humanitarian law: A comprehensive introduction*. Geneva: ICRC. 357 p.
 20. Pictet J. 1966. The principles of International Humanitarian Law. — *International Review of Red Cross*. No. 66. P. 455–469.
 21. Sarwar T.B. 2017. Challenges for Implementing International Humanitarian Law (IHL) in the Contemporary Landscape. — *Society & Change*. Vol. XI. No. 2. P. 49–60.
 22. Vincze V. 2017. The Role of Customary Principles of International Humanitarian Law in Environmental Protection. — *Pecs Journal of International and European Law*. Vol. II. P. 19–39.
 - Rossiiskoi Federatsiei mirotvorcheskoi missii [To a question about status of representatives of bodies of military justice, being in zone of armed conflict, in period of realization of peace-support mission by the Russian Federation]. — *Rossiiskoe pravosudie*. 2009. No. 6. P. 42–48. (In Russ.)
 3. Bouvier A. *International Humanitarian Law and the Law of Armed Conflict*. 3rd ed. Williamsburg: Peace Operations Training Institute. 2020. 42 p.
 4. Crowe J., Weston-Scheuber K. *Principles of International Humanitarian Law*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2017. 198 p.
 5. David E. *Principes de droit des conflits armés* (Russ. ed.: David E. *Printsipy prava vooruzhennykh konfliktov*. Moscow: MKKK Publ. 2011. 1144 p.)
 6. Fedulkina I.A. *Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo i gumanitarnaya deyatel'nost'* [International humanitarian law and action]. — *Obrazovanie i pravo*. 2021. No. 2. P. 114–119. (In Russ.). DOI: [10.24412/2076-1503-2021-2-114-119](https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-2-114-119)
 7. Grotius H. *De jure belli ac pacis* (Russ. ed.: Grotius H. *O prave voyny i mira*. Moscow: Gosyurizdat Publ. 1956. 868 p.)
 8. Kartashkin V.A. *Otraslevye mezhdunarodnye printsipy prav cheloveka* [Branch International Human Rights Principles]. — *Sovremennoe pravo*. 2018. No. 5. P. 111–118. (In Russ.)
 9. Kotlyarov I.I., Puzyreva Yu.V. *Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo i model'noe zakonodatel'stvo SNG* [International Humanitarian Law and the Model Legislation of the CIS]. — *Moscow Journal of International Law*. 2012. No. 3. P. 18–38. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2012-3-18-38>
 10. Kukushkina A.V. *Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo i okhrana okruzhayushchei sredy v period vooruzhennykh konfliktov (mezhdunarodno-pravovye aspekty)* [International Environmental Law and Protection of the Environment during Military Conflicts (International Legal Aspects)]. — *Mezhdunarodnaya analitika*. 2017. No. 2. P. 94–103. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2017-0-2-94-103>
 11. Lazutin L.A., Likhachev M.A. *Mezhdunarodnyi ugovovnyi sud i Rossiya: byt' ili ne byt' vmeste?* [International Criminal Court and Russia: to be or not to be together]. — *Moscow Journal of International Law*. 2019. No. 4. P. 46–60. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-4-46-60>
 12. Ledyakh I.A. *Obyazatel'stvo soblyudeniya norm mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava v zashchitu zhytv voyny* [The obligation to respect norms of international humanitarian law on protection of war victims]. — *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. 2017. No. 1. P. 141–158. (In Russ.)
 13. Martens F.F. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov: v 2 t. T. 2* [Contemporary International Law of Civilized Nations. In 2 Volumes. Vol. 2]. Moscow: Zertsalo Publ. 2008. 252 p. (In Russ.)
 14. Melzer N. *International humanitarian law: A comprehensive introduction*. Geneva: ICRC. 2016. 357 p.
 15. Pictet J. The principles of International Humanitarian Law. — *International Review of Red Cross*. 1966. No. 66. P. 455–469.
 16. Sarwar T.B. Challenges for Implementing International Humanitarian Law (IHL) in the Contemporary Landscape. — *Society & Change*. 2017. Vol. XI. No. 2. P. 49–60.

References

17. Sassoli M. Otvetstvennost' gosudarstva za narusheniya mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava [State responsibility for violations of international humanitarian law]. — *Mezhdunarodnyi zhurnal Krasnogo Kresta: sbornik statei* [International Journal of Red Cross. A Collection of Articles]. 2002. P. 163–203. (In Russ.). URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/07_irrc_846_sassoli_rus.pdf (accessed 15.05.2022)
18. Skuratova A.Yu. Rossiya i Rimskii statut Mezhdunarodnogo ugolovnogo suda [Russia and the Rome Statute of the International Criminal Court]. — *Moscow Journal of International Law*. 2016. No. 4. P. 125–137. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2016-4-125-137>
19. Sokolova N.A. Mezhdunarodnaya zashchita okruzhayushchei sredy v period vooruzhennykh konfliktov: traditsii pravovogo regulirovaniya i novelly tolkovaniya [International Environmental Protection in Armed Conflicts: Traditional Legal Regulation and Interpretation Novelties]. — *Lex Russica*. 2021. Vol. 74. No. 12. P. 84–95. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.181.12.084-095>
20. Vincze V. The Role of Customary Principles of International Humanitarian Law in Environmental Protection. — *Pecs Journal of International and European Law*. 2017. Vol. II. P. 19–39.
21. Vylegzhanin A.N., Ignatenko G.V., Skuratova A.Yu. Yuridicheskie itogi velikoi pobedy nad fashistskoi Germaniei i sovremennye popytki ikh iskazheniya [Contemporary Attempts to Distort the Legal Results of the Great Victory over Nazi Germany]. — *Moscow Journal of International Law*. 2010. No. 3. P. 49–75. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2010-3-49-75>
22. Vylegzhanin A.N., Skuratova A.Yu., Sinyakin I.I. Sovremennoe mezhdunarodno-pravovoe znachenie Nyurnbergskogo protsessa (k 70-letiyu vyneseniya Prigovora Nyurnbergskogo tribunala) [Contemporary international law importance of the Nuremberg trial (to the 70th anniversary of the sentencing of the Nuremberg Tribunal)]. — *Sovremennoe pravo*. 2017. No. 1. P. 117–130. (In Russ.)

Информация об авторе

Алла Юрьевна Ястребова,

доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой теории государства и права, Дипломатическая академия МИД России

119021, Российская Федерация, Москва, ул. Остоженка, д. 53 / 2, стр. 1

allayastrebova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3324-9956

About the Author

Alla Yu. Yastrebova,

Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the Theory of State and Law, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

53 / 2-1, ul. Ostozhenka, Moscow, Russian Federation, 119021

allayastrebova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3324-9956